Владимир Гнеушев

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

НА ДАЛЬНЕЙ ЯКОРНОЙ СТОЯНКЕ

Опять со мной моя дорога.
Она летит передо мной,
То неожиданной, то строгой,
Зеленой или голубой.
И я гляжу, как на закате
Качают темные валы
К концу походов и занятий
Отяжелевшие стволы.
Буруны яростные вырыв,
Идет прославленный в боях
Краснознаменный крейсер
«Киров»
—
Судьба и молодость моя.
А норд встречал его привычно,
Антенны гнул и в мачтах выл.
У входа в кубрик старый мичман
Матросам что-то говорил.
И слышал я, забыв про ветер,
Замедлив быстрые шаги:
«Любовь — она одна на свете...
Её, как славу, береги...»
А командир перед походом
Сказал, взглянув на дочь свою,
Что он всего четыре года
Из десяти видал семью.
Дочь у него в тот день гостила.
И было чуточку смешно,
Как меж орудий проходила
Девчонка в белом кимоно.
Как долго бегала с приплясом
По грозным палубам литым,
Забывши в рубке под компасом
Полей неяркие цветы.
Да, стоит так вот жить на свете,
Забыв порой семью и дом,
Чтобы потом не знали дети
Тревог.
Но я ведь не о том.

II

Кают-компания пустынна,
Серпом луны освещена.
На пианино вальс старинный
Играет старший лейтенант.
Сегодня он с утра на вахте,
Часы секундами деля,
Забыл, как могут остро пахнуть
В весеннем солнце тополя.
Забыл, как долго вишня спела,
Ломясь в открытое окно.
Он всё забыл во имя дела,
Которое ему дано.
Следя за стрелкой на приборе,
Он замечать тогда не мог,
Как расходившееся море
Катило волны на восток
И как в тумане мимо плыли
В холодных скалах острова,
Ему в тот миг понятны были
Одни казенные слова.
И лишь теперь, над пианино
Устало голову склоня,
Играет грустный вальс старинный
Добытчик точного огня.
... Сейчас, наверное, с работы
В далекий дом пришла жена,
И разогрев на ужин что-то,
Присела с дочкой у окна.
Печально тянутся минуты...
Всегда одна, всегда сама...
А здесь, на море,
Десять суток
Ревут под тучами шторма.
И нас никто судить не будет,
За то, что мы в своем пути
Живем и трудимся, как люди:
Порой поем, порой грустим.
Не просто самоотреченье
От милых радостей земных
Ведет нелегкие ученья
Нас — молодых и пожилых.
Что за беда, когда в походе
Во славу Родины своей
Воспоминанья мы находим
Про наших жен и дочерей.
Про тишину просторных комнат
И про деревья, может быть...
Тому, кто ничего не помнит,
Наверно,
Нечего любить.

III

Зажглись сигналы бортовые.
Для смеха или невзначай
Гремят посудой бачковые
И, значит, пьем вечерний чай.
В конце большого перехода
И нескончаемых тревог
Свалился в койку первогодок,
Из Пятигорска паренек,
Размахи корпуса все чаще
И ветер злей
Но в этот миг
Пришел с поста впередсмотрящий
И снял намокший дождевик.
И улыбнулся так счастливо,
Что в первый раз за долгий срок
В матросских лицах молчаливых
Вдруг засветился огонек.

IV

На дальней якорной стоянке,
Под плеск волны и свет луны,
Не ревность — повод
к перебранке —
Иные чувства рождены.
Вдали от милого нам дома
И от земного бытия
Мне стало просто незнакомо
То, что от злости делал я.
Я обижал тебя жестоко
И без прощенья выживал.
И, невнимательный к упрекам,
Я слез твоих не понимал.
А здесь под небом необъятным,
Над глубиной Большой воды
Всё стало ясным и понятным,
Как на сыром песке следы.
И если будет так, что снова
Встречаться нам на берегу,
Я ни одним холодным словом
Тебя обидеть не смогу.
Я просто вспомню ночи эти
И чаек плавные круги,
«Любовь — она одна на свете...
Ее, как славу, береги...»
Цветы в каюте командира,
Матросов верную семью,
Краснознаменный крейсер
«Киров»
—
Судьбу и молодость мою...
Ну, а пока прощай
До скорой
И доброй встречи...
Даль густа,
Мигнул сигнальщик семафором,
Волна вздымается крута,
Кают-компания пустынна,
Серпом луны освещена.
На пианино вальс старинный
Играет старший лейтенант.

НА СТАНЦИИ ОДНОЙ ПЕРЕГОВОРНОЙ

На станции одной переговорной
В тот вечер было шумно, как
всегда.
Настойчиво, привычно и проворно
Большие назывались города.
И можно было видеть, как
с разгона,
Едва успев сердито трубку снять,
Гудел седой мужчина о вагонах,
Грозил приказом номер тридцать
пять.
Какая-то девчонка в рыжей шапке,
Прижавшись тесно к матери
своей,
Кричала в трубку:
«Здравствуй, милый папка!
Ты приезжай, пожалуйста,
скорей!..»
Минуты шли ни коротко,
ни длинно,
Пока над нами кто-то не сказал:
«Тайга — 12, пятая кабина!»
И медленно стихает шумный зал.
Тайга — 12! — Это ведь не Киев,
Не Ленинград и даже не Москва.
Тревожной жизнью веют вот
такие
Далекие и странные слова.
Пускай без основания порою,
Но мы привыкли думать каждый
час,
Что люди, там живущие, —
герои,
Кому ж сюда звонят они сейчас?
И чувства неприличья отодвинув,
Мы слушали, дыханье затая,
Как женщина, вошедшая
в кабину,
Сказала тихо: «Здравствуй.
Это я.
Да, получила всё. И телеграммы...
Ну, так уж надо — сразу и ответ!
Была ангина у меня и мамы,
А домработниц в доме нашем
нет...
Я в жизни не искала жизни
сладкой,
Но ведь нельзя же полный
ералаш!
Ты говоришь — отдельная палат-
ка?
Палатка — это даже не шалаш.
Послушай, Толя, не пори
горячку!
Куда мне ехать! Думай голо-
вой!»...
Она скривилась, словно от болач-
ки,
Нажала кнопки и дала отбой.
Телефонистка из-за перекрытий
Звала, за жизнь далекую боясь:
— Тайга у аппарата! Говорите!
Но видно прочно оборвалась
связь...
И я представил, как беззвездной
ночью,
Собрав рюкзак походный второ-
пях,
Он шел в тайге по диким тропам
волчьим
И на попутных ехал лошадях.
Осенний дождь висел над черной
хвоей,
Он, кажется, весь мир собой

накрыл.
А человек всё шел.
И сам с собою
О самом милом с болью говорил.
На телеграммы не было ответа.
Но все-таки она его жена,
И если ей понятно это слово,
Она забыть о чести не должна.
Ей посланы и письма и
открытки...
Привыкший к прямодушью с
давних пор,
Он совершил последнюю попытку
Вот этот телефонный разговор.
Теперь — конец.
Отныне звуки, крики,
И гул тайги, и шелесты ручьев,
И ягоды прохладной голубики
Не для нее, любимой, а ничье.
Он будет жить, как прежде, без
оглядок,
Но трудно жить, когда в тайге, в
глуши,
Из-за любви тревожиться не надо
И никому письма не напиши...
Я знаю, что нельзя с единой
мерой,
И все-таки, да здравствует закон,
Чтоб тот, кто к счастью отнимает
веру,
К позору был публично
пригвож-
ден.
Кто часто обывательскую спячку
И равнодушье прячет под пустой
И лживой фразой: «Не пори
горячку!
Куда мне ехать! Думай головой!»

АВТОБУСЫ

У сквера Павелецкого вокзала
Девчонка свое счастье ожидала.
А снежный ветер бил ее в лицо.
Она смотрела, тихо замерзая,
Как быстро пассажиров выгружая,
Автобусы выходят на кольцо.
Зачем так долго ждать его должна
Впервые полюбившая она?
Скользя по жестким крышам
оголенным,
Снежинки мельтешат у фонарей.
Они не станут к девочке добрей —
Какое дело им до всех
влюбленных!
Над белыми пустынными углами
Подрагивали синие рекламы...
Да прибежит ли он, в конце
концов,
С недавних пор забывчив
и небрежен,
Сюда, где всё ленивее и реже
Автобусы уходят на кольцо.
На остановках резко тормозя,
Автобусы глазами ей грозят.
Она в пальтишко кутается зябко,
Не вспоминая даже о зиме,
И смотрит, смотрит в снежной
полутьме,
Мелькнет ли где пальто его
и шапка.
У сквера Павелецкого вокзала
Она его уже не ожидала.
Лишь слезы, замерзая, жгут лицо,
Да по Таганской улице холодной,
Совсем пустые — быстро
и свободно —
Автобусы уходят на кольцо.

ВЫМПЕЛА

Не первый раз крутые волны
Летят на плечи корабля.
Но разве можно быть спокойным,
Судьбу матросскую деля.
Глухими ветрами исхлестан,
Наш путь уводит на моря,
Где не живут легко и просто
И не бросают якоря.
Туманом утренним струится
Былых сражений дым,
и вновь
Героев прах глядится в лица
И будоражит нашу кровь.
Как прежде — волны здесь
играют
И, ограждая мир от зла,
На мачтах вскинутых сияют
Родного флота вымпела.